

ЧЕЛОВЕК БЕЗ РОДИНЫ

Автор романа «Сердце тьмы», литературной основы фильма Фрэнсиса Форда Coppola «Апокалипсис сегодня», жил в Вологде, на улице Козленской.

В августе исполнилось 80 лет со дня смерти классика мировой литературы Джозефа Конрада. Родился он в украинском Бердичеве, жил в Вологде, Чернигове и Париже, а умер в Лондоне. Но всю жизнь не имел иной родины, кроме моря.

Ссылный номер 23

Пяти лет отроду он стал заключенным. Вологда. Во время, когда сюда привезли шестилетнего польского мальчика Юзефа Коженевского (позже ставшего Джозефом Конрадом), это маленький 17-тысячный городок на Русском Севере.

Отец Юзефа — Аполло — член польской организации борцов за свободу, схвачен за антирусскую деятельность в преддверие польского восстания, и в 1862 году отправлен в Вологду. С ним жена Эвелина и маленький сын Юзеф. Двадцать первый, двадцать второй и двадцать третий по счету арстанты польской колонии ссылных...

Аполло тоже был литератором. Пьески с «идеями» пописывал, романы. Будущий великий Конрад, прежде чем стать творцом прозы, сам в нее попал: рассказывал Аполло в письмах родным о страданиях некоего мальчика Конрадека, «загнанного в край цинги и стужи», как называл он Вологду.

Вологда — столица русской политической ссылки. Во все времена и при всяком строе привозили сюда на телегах худощавых людей в пенсне и английских ботинках, с двумя чемоданами вещей в руках — один с одеждой, другой с книгами. Интеллигенция... Кто-то из ссылных вспоминал, как навсегда ему в память врезался глухой стук обуви о деревянные мостовые Вологды и скрип половиц изб, куда их поселили: на смену столичному звонкому цоканью пришел стук мостовых, похожий на

звук падающих на гробовую крышку комьев земли. Террорист Борис Савинков, сестра Ленина Мария Ульянова отбывали здесь сроки, да и сам Иосиф Сталин на удивление тепло вспоминал свою вологодскую ссылку. Во время сталинских репрессий многие были отправлены в Вологду уже по его приказу. «Ссылные вносили в климат Вологды категорию будущего времени», — произнес до сих пор не до конца разгаданные слова Варлам Шаламов, сам испытывавший на себе все «прелести» ГУЛАГа...

Матери Юзефа — Эвелине — позволили уехать с Русского Севера на юг, в Чернигов, где она и умерла от застарелого недуга. Чуть позже, в Варшаве, скончался вернувшийся из ссылки Аполло.

Подросток Юзеф решил стать моряком, и сумел выехать на учебу в Марсель. Оставаясь на бумаге подданным Российской империи, он фактически перестал быть им, сменив даже имя. Уже будучи моряком, напишет он свои великие романы, принесшие ему славу во всем мире.

Классик с улицы Козленской

В детстве, пришедшемся на послевоенные годы, прочитал Джозефа Конрада ныне известный вологодский писатель и краевед Владимир Аринин, первым заинтересовавшийся пребыванием классика в его родном городе.

Следов пребывания семьи Коженевских в Вологде почти не осталось. Да и много ли могли «наследить» на пыльной немощной улице Козленской, куда селили ссылных поляков, ножки маленького арстанта Юзефа? Времени на архивные розыски не было, поэтому привлек Аринин уже в середине 1970-х старейшего местного краеведа Владимира Панова, железнодорожника по профессии. Еще в 20-е годы загорелся Владимир Капитонович страстью к истории и литературе — в доме его отца некоторо

Джозеф Конрад родился в украинском Бердичеве, жил в Вологде, Чернигове и Париже, а умер в Лондоне. Но всю жизнь не имел иной родины, кроме моря.

время жили сосланные на вольные поселения писатели Ремизов и Амфитеатров. Закипела работа в архивах. Друзья и не подозревали, что в те же месяцы Френсис Форд Коппола на Филиппинах начал съемки оscarоносного впоследствии фильма «Апокалипсис сегодня», экранизации романа Джозефа Конрада «Сердце тьмы». Нашлись воспоминания Лонгрин Пантелеева о его встречах в Вологде с Коженевским-старшим, «литератором, хорошо принятом в местном обществе», где его на русский манер звали Антоном. Тем не менее, «держался он очень гордо, сам ни с кем не знакомился». Таким же Аполло воспитал и сына — даже будучи простым матросом в чужой стране, Юзеф, по воспоминаниям знакомых, всегда был несколько высокомерным и малоразговорчивым, отчего близких друзей так и не нашёл. В последний год жизни даже отказался от титула английского лорда, мотивируя это принадлежностью к польской аристократии.

А Россию бывший маленький ссыльный возненавидел лютой ненавистью. Сын Борис вспоминал, что при упоминании о стране, в которой родился, Джозеф скрежетал зубами, а иногда даже разыгрывалась у него приобретенная в Конго подагра.

Нынче здесь — завтра там

Начитавшись приключенческих романов о замечательной жизни моряков, Джозеф поступил во французский флот. В первые года вырвавшийся на свободу узник не на шутку загулял: транжирил деньги богатого польского дядюшки, пускался на разные авантюры — даже занимался контрабандой оружия в Испании. Проигрывался в пух, несколько раз пытался застрелиться. Из Франции под угрозой высылки обратно в Россию, где его забрали бы в русскую армию, в 1878 подался в Англию. На кораблях английского торгового флота Конрад плавал 15 лет, стал капитаном, однако родины так и не заимел.

Писать начал поздно, в 31 год, вскоре после того, как вплотную занялся изучением английского языка. Герои его первых романов — люди, для которых море и есть родина, а корабль с командой — единственные семья и дом. Да и писателем он стал на корабле: рукопись капитана попала на глаза пассажиру, известному английскому писателю Джону Голсуорси. Поначалу в имеющей глубокую традицию морской литературы Англии Конрада восприняли как обыкновенного автора приключенческих книг. Однако, сразу же был отмечен несвойственный развлекательной литературе трагизм — на каждой второй странице герои говорили либо «за жизнь», либо о смерти. Хотя и пишет Конрад о море, его произведения никогда не бывают «сырыми» — над отдельными фразами он работает по несколько суток.

Поляк, русский...

«По-английски он пишет чисто и правильно, но как будто с каким-то акцентом», — говорили критики. «Поляк, русский... Тогда мало кто их различал. Славянский писатель, одним словом... Следовательно, душа нараспашку», — фраза принадлежит Герберту Уэллсу.

Поляк, русский... Известны споры, политические и эстетические, разговорные и стихотворные, Пушкина и гения польской поэзии Адама Мицкевича, тоже изрядного ненавистника России. О своем столкновении с Аполло Коженевским вспоминал Лонгрин Пантелеев. Своего «недовольного поляка» повстречал и Владимир Аринин: «После того, как статья о поисках следов Конрада в Вологде была напечатана в «Литературной России», к нам начали поступать письма от «конрадистов» со всего мира, статью переводили и перепечатывали».

Доктор Морф из Монреаля прислал копию фотографии Аполло Коженевского, а также высказал

В польской Гдыне писателю поставили памятник. В Вологде не установили даже мемориальную доску.

предположение, на какой из улиц могли жить польские ссыльные. Откликнулся и известный польский писатель Ярослав Ивашкевич.

«Однажды, — продолжает Аринин, — мне сообщили, что в Вологду собирается приехать Здзислав Найдер — знаменитый диссидент, один из лидеров польской оппозиции, поговорить по поводу нашего материала о Конраде». С Найдером приехал «сопровождающий от Союза писателей», как его представили. Не составляло труда опознать в нем сотрудника КГБ. «Оставшись одни, — вспоминает Аринин, — мы перешли с Конрада на политику. Вся польская интеллигенция против существующего строя, но литературу вашу мы любим и читаем — сказал он мне». Через несколько лет, в 1983, будущего советника президента Польши Леха Валенсы Найдера заочно приговорили к смерти за бегство на Запад. А еще через десяток лет, когда стало можно, Аринин написал о встрече с «человеком, приговоренным к смерти» — так он назвал свою нашумевшую статью.

Земля!

Джозеф Конрад в политику до поры до времени не лез, по-видимому, всю жизнь находясь между двух правд — отца, нищего скитальца-революционера, и дяди, миллионера-должителя, приспособленца к существующим порядкам. К русской литературе относился неоднозначно, хотя дружил с братьями Гарнеттами, знаменитыми переводчиками с русского языка. Достоевского ненавидел всей душой, называл сумасшедшим и «чересчур русским» — «во всей его прозе мне слышится подобие яростных воплей». Толстого не понимал, Тургенева уважал, но по большому счету за то, что тот удачно эмигрировал в Баден-Баден. Всю жизнь Джозеф Конрад утверждал, что не знает ни русского языка, ни алфавита, что кажется исследователям маловероятным — все же до 16 лет писатель прожил в России, а его отец закончил Санкт-Петербургский университет. «Мне не хотелось бы выступать в роли знатока русской жизни», — признавал Конрад. Но «не хотелось» лишь до тех пор, пока плавал.

В начале 20 века что то щелкнуло в миропонимании Конрада, несуществующий юнга в голове проорал с мачты «Земля!», и англичанин польского происхождения осел на берегу, оставив море на страницах написанных произведений. Три его последних романа — все не без политики. Вот сюжет романа «Ностромо»: выдуманное государство в Латинской Америке, одна из провинций которого решила отделиться и отстоять свою независимость и особость. Правительство, в котором диктатор на тиране сидит, жестоко подавляет эту попытку мыслящей интеллигенции страны. Среди повстанцев попадают и поляки — «совершенно случайно», разумеется. Два следующих романа — «Тайный агент» и «Глазами Запада», уже без всяких иносказаний написаны про революционеров, а второй так даже про русских. Герой романа студент Разумов борется с дилеммой: самодержавие ему не нравится, но методы борьбы с ним его тоже не устраивают. Сомнения еще более усиливаются, когда в его квартиру попадает другой студент — Гальдин, ищущий убежища после того, как кинул бомбу в министра. Англичане романа не поняли. Потому что для са-

мого неизощренного читателя было очевидно, что русский студент Разумов автору ближе, чем типичный английский джентльмен, каким он сам стремится стать. Английские литературоведы считают, что роман написан специально для России, причем России провинциальной, «деревянной».

Чужак в забвении

Вологда о Джозефе Конраде предпочитает не помнить, и вообще не знать. Никаких чтений, конференций, памятников и бюстов, не говоря уже о названии улицы... Жители без внутреннего трепета проходят мимо серой 5-этажки на бывшей улице Урицкого, ныне снова Козленской, где, как выяснили Панов и Аринин, стоял сейчас уже не существующий дом ссыльных поляков.

Еще в далеком 1977 призывал Владимир Панов установить на доме хотя бы мемориальную доску, но этого не сделано до сих пор. Книг Конрада не купить ни в Вологде, ни в крупных городах окрест. Но, справедливости ради отметим, и Конрад не указал Вологду ни в одной из своих многочисленных биографий. Разошлись, как в море корабли. Наверное, порта «Вологда» не было на морской карте капитана Юзефа Коженевского, которого все знают под именем Джозефа Конрада.

Сергей Виноградов ■